

УДК 316.74:001

ИНТЕРНЕТ-КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО: ИРВИНГ ГОФМАН О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЗНАНИИ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ВТОРЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ ТРЕТЬИМ

Борисенко Елена Александровна – студентка третьего курса социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина;

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье осуществляется анализ процесса интернет-конституирования социального сквозь призму ряда концепций, в частности концепции И. Гофмана. Основное внимание уделяется знаниевой конституции социального ландшафта в виртуальном взаимодействии, - в том числе тому, как именно знаниевая конституция виртуального и «реального» (противопоставляемого интернетному) социального различаются между собой. Подчеркивается, что знание, лежащее в фундаменте интернет-социального и «реального» социального, существенно различается не в частности, а сущностно, в особенности в соотношении социального Второго и социального «Третьего». Делается вывод, что процесс трансформации ткани социального находится под существенным влиянием бурно развивающейся сферы виртуальных коммуникаций, причём эффекты и последствия этого процесса на данный момент социология не оценивает в полной мере.

Ключевые слова: социальное, знание, социальный Второй, социальный Третий, Ирвинг Гофман, социология знания, интернет.

У статті здійснюється аналіз процесу інтернет-конституювання соціального крізь призму ряду концепцій, зокрема концепції І. Гофмана. Основна увага приділяється знаннєвій конституції соціального ландшафту в віртуальній взаємодії, - зокрема тому, як саме знаннєва конституція віртуального і «реального» (протиставленого інтернетному) соціального відрізняються одне від одного. Підкреслюється, що знання, що лежить в фундаменті інтернет-соціального і «реального» соціального, суттєво відрізняються не в дрібницях, а сутнісно, особливо у співвідношенні соціального Другого і соціального «Третього». Робиться висновок, що процес трансформації тканини соціального знаходиться під сутнісним впливом сфери віртуальних бурних комунікацій, що активно розвивається, причому ефекти і наслідки цього процесу на даний момент соціологія не оцінює повною мірою.

Ключові слова: знання, соціальне, соціальний Другий, соціальний Третій, Ірвінг Гофман, соціологія знання, інтернет.

In article the analysis of process of an Internet institutionalization of social through a prism of a number of concepts, in particular E. Hoffman's concepts, is carried out. The main attention is paid to the knowledge constitution of a social landscape in virtual interaction, - including to how exactly the knowledge constitution of virtual and "real" (opposed to internet) social differ among themselves. It is emphasized that the knowledge lying in the base of Internet sociality and "real" sociality, significantly differs not in particulars, but appreciably, in particular in the ratio of social Other and social "Third". The conclusion is drawn that process of transformation of sociality is under significant influence of violently developing sphere of virtual communications, and at the moment the sociology doesn't estimate effects and consequences of this process fully.

Keywords: social, knowledge, social Another, social Third, Erving Goffman, sociology of knowledge, internet.

Социальное исторично в том смысле, что историко-культурные, хронотопные и социально-политические характеристики и особенности социального модифицируются. Лишь узким горизонтом зрения и малым историческим опытом социологии (науки не просто об обществе, а об обществе капиталистической эпохи / эпохи модерна / эпохи нового времени в разных категориях) можно объяснить несомненность и непроблематичность категории социального. Лишь в последнее время социология

усилиями социологов постмодернистского поворота, латурианского переворота и некоторых других направлений (например, парадигмы Л. Болтански и Л. Тевено [1]) ставит вопрос о трансформации самой природы социального (и, следовательно, суммы объектов, располагающихся в его ткани).

Важнейшие трансформации природы социального последней четверти XX века связаны с двумя вполне очевидными процессами – глобализация и интернетизация. Эти процессы являются не только структурными (то есть таковыми, что влияют на социальную структуру и социальные структуры), но и социальными (то есть таковыми, что влияют на социальную природу и саму ткань социального). Наиболее, пожалуй, ярким синтезом этих процессов являются социальные сети, которые уже и не назовёшь относительно новым явлением в современном обществе. Так, первый американский портал (classmates.com) был создан в 1995 году. Уже в течение следующих 10 лет количество функционирующих социальных сетей превышает несколько десятков, а началом их бума считают 2003-2004 годы, когда запускаются такие платформы, как Facebook и MySpace. На постсоветском пространстве мода на социальные сети возникает двумя годами позже, в 2006 году, вместе с появлением таких сервисов, как Одноклассники и ВКонтакте [1]. Ежедневно количество пользователей сетей увеличивается, стиль и механизм работы сети модернизируется, а вместе с ними увеличивается и время пользования сетями. Так, по данным исследования по Харькову и области (2013 г.), среди школьников как города, так и области лишь каждый сороковой или пятидесятый (то есть 2-2,5% в зависимости от пола, возраста, места проживания и т.п.) не имеют регистрации в социальной сети¹. Однако взаимодействие, лишённое знакового снаряжения, традиционного и разработанного для миметического, жестового инструментария, инструментария метасообщений (см. по этому поводу [2]), в условиях интернет-коммуникации (а следовательно, по Луману [3], конституирования социальной системы, или, точнее, системы социального) обретает (несколько или вообще) иные характеристики.

Этим, как мы полагаем, обусловлена актуальность нашей статьи: со времен появления первой социальной сети их популярность возрастают с каждым днем. Современный человек онлайн практически постоянно, в сети у него существуют знакомые, увлечения, вкусы, культурное потребление, знаковая коммуникация, политическая борьба и т.д. На сегодняшний день в общество входят целые поколения, которые с малых лет ведут полноценную «вторую жизнь» в сети.

Именно поэтому *целью* нашей работы будет рассмотрение трансформации ткани социального (в противопоставление социальному как системе) в условиях функционирования социальных сетей как инструмента социализации, как пространства реализации социального и как окружающей среды для социальных систем².

Безусловно, избранная нами тема предполагает чрезвычайно широкое рассмотрение, в связи с чем отдельное внимание мы уделим процессу социализации как онтогенетическому конституированию социального (не предполагая, конечно, что филогенетическое конституирование социального каким-либо образом редуцируется к нему или повторяется им, вопреки известной физиобиологической аксиоме). При рассмотрении проблематики социализации мы будем опираться на концепции И. Гофмана и Дж.Г. Мида [4], З.Фрейда [5], Дж. Дьюи [6], К. Роджерса [7] и других.

При этом нельзя сказать, что исследуемая проблематика является незатронутой социологическим вниманием. Безусловно, новизна социальных интернет-сетей приводит к тому, что она находится на начальной стадии своего исследования, однако немало ценных и важных наработок представлены в работах М. Маклюэна и М. Кастельса; изменения под воздействием информатизации общества освещены К. Аксауэном, Дж. Винсентом, В. Ивницким, М. Берри, И. Мальковской; интернет и виртуальные социальные сети исследуются в работах В. Силаевой, В. Коломиец и С. Кремлевой, Е. Демьянова и других. Но при этом практически все известные нам исследования фокусируются прежде всего на технических моментах информатизации, с одной стороны, и на традиционных аспектах социализации, – с другой. А ведь динамичность обновления технической стороны интернет-коммуникации, а также

---

¹ Исследование проведено кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в апреле-мае 2013 года среди подростков Харькова и Харьковской области среди учащихся 7, 9 и 11 классов средних школ, гимназий, лицеев Харькова и области. Предметом – особенности сознания и поведения подростков и факторы, их обуславливающие. В соответствии с выборкой исследования 2013 года было опрошено: 986 школьников Харькова и 923 школьников Харьковской области. Из них по городу было опрошено 530 девушек и 456 юношей, по области – 543 девушек и 380 юношей.

² Здесь мы опираемся на методологически важное замечание Н. Лумана, согласно которому социальная система как система интеракций имеет своей внешней средой и человеческую телесность, и технические предпосылки социального, и т.п.

синкретизация агентности социализации³ приводит к тому, что основные теории социализации, существующие в современной социологии и пришедшие из XX века, во многом перестают быть релевантными. Это не касаясь такого важного момента, как игнорирование теориями социализации (как производства социального) проблематики знания.

Опираясь на теорию И.Гофмана и его «Анализ фреймов» [8], мы берём за основу мысль, что социализация как продуцирование социального в онтогенетическом измерении не поступательна как процесс, начинающийся с рождения (этот процесс может интенсифицироваться и экстенсифицироваться, замедляться и ускоряться и т.д.). Здесь социальное и социализация становятся неотрывными от повседневности как формы социальной организации, «фабрики» социальностей, где человеческая субъективность, казалось бы, не укладывается в рамки логических объяснений, принимает устойчивые рутинные формы. На улице, в баре, казино, лифте, зале заседаний разворачиваются формальные структуры общения, и нет такой ситуации, в которой бы не действовал жесткий социальный порядок [8, с. 7]. Посему и продуктом социализации становится социальное как результат действия внеличностных ситуационных и культурных факторов. Свобода и необходимость становятся здесь неразличимыми [8, с. 8].

И. Гофман доказал, что надындивидуальное происхождение имеют не только «большие» социальные структуры. Жизненный опыт, восприятие реальности, индивидуальные действия, в том числе речевые, социально структурированы: в самом действии воспроизводятся «порядки интеракции», образующие своеобразный континуум (лестницу) «фреймов», которая соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества [там же].

Однако здесь возникает неутраченное у Гофмана понятие «опыт», более релевантную интерпретацию которого, как нам кажется, предложил Дж. Дьюи и которое оказывается ещё более близким к понятию «знание». Особенно эта «связка» понятий актуализируется в условиях интернетизации общества: социальные сети помогают формулировать и верифицировать опыт гораздо быстрее и «проще» (с технической, хронологической и санкционной точек зрения), чем в реальной жизни. Так, переписка в сети является социальным аналогом писем от руки⁴, причём её техническая простота приводит к крушению и трансформации ряда социальных микроинститутов: в сообщении немалой доле людей гораздо проще объяснить свои чувства / эмоции / выборы / предпочтения, чем делать это «в лицо» (именно в этом смысле мы и говорим о «крушении» социальной непосредственности – см. выше). Техническое упрощение касается и хронологического аспекта: сегодня не нужно ждать ответа месяцами; сообщение не может «потеряться»; историческая «мгновенность» сообщения технически редуцирует многие «случайностные» (Луман сказал бы «контингентные») аспекты социального. В частности, сегодня в ряде социальных сетей сложился максимально открытый механизм переписки с «прозрачностью» любого действия собеседника (присутствие в сети, «след» последнего присутствия; статус сообщения; создание ответа). Это приводит, с одной стороны, к росту интенсивности приобретения опыта, но с другой стороны – к деинтимизации этого опыта, его «опрозрачиванию» (об опрозрачивании как процессе мы уже писали в [9]). «Количество» и «темпы» конституирования социального может приводить к существенной модификации его «качества» («ткани» социального).

Кроме того, в условиях технически опосредованной социальной коммуникации трансформируется и внутренняя структура «перформансов»-исполнений. Если принимать гофмановское определение исполнения как «деятельности участника данной ситуации общения, которая предназначена для воздействия тем или иным образом на других участников» [8, с. 31] и дополнить роджерсовским «Я-идеальное» (как те самохарактеристики, которые человек очень ценит и хотел бы иметь, но пока ими не располагает [7]), то мы заметим, что, в отличие от современного типа социального, идеальное становится как никогда реальным, «воплотимым в жизнь» в интернете в виде «шаблонов» и «профилей».

Безусловно, тенденцией современного конституирования социального является подмеченная Гофманом тенденция, что способы сокрытия человеком своего подлинного лица и демонстрации неподлинных является социальным фактом и обнаруживает смысл социального взаимодействия [8, с. 32]. В этом смысле профиль в социальной сети как «маска» является максимальным «выражением» этого процесса, причём «жизнеспособность», устойчивость и функциональность маски зависит непосредственно от исполнения

³ Иначе говоря: на смену разнообразным и относительно автономным агентам социализации приходит синкретичный агент в виде интернета, в котором соединены характеристики и медиа, и системы образования, и социального окружения («улицы»), и государства с его политиками и т.д.

⁴ Но стоит различать личные сообщения и, например, сообщения на «стене» в социальной сети: существование «стен» как минимум подмывает, как максимум – разрушает интимную природу данного действия.

(«перформанса»). Перформанс есть не просто процесс реализации, но структура (arrangement), которая превращает индивида в сценического исполнителя, который, в свою очередь, является объектом наблюдения со стороны людей, образующих «аудиторию», и этот исполнитель может разглядываться ими вдоль и поперек и действительно разглядывается без какого-либо риска обиды, поскольку сами его действия предназначены для разглядывания [8, с. 32]. Сетевая «личная страница», её общедоступное («предназначенное для разглядывания»), бесстыдно и без обид⁵, содержание, является хорошим примером подобного самоэкспонирования. Именно в её фрейме, с её учётом и при «узнавании» её осуществляется своя система отношений (говоря категориями представителя ролевой концепции К. Ленгтона), функционирует определённый «способ знания», осуществляется редифференциация социального пространства: так, поведение в сети может быть гораздо более «неформальным», иногда бестактным, часто не соответствующим нормам коммуникации в традиционном социальном пространстве. Создание «профиля-маски» в этом смысле предстаёт как попытка сконструировать мнение о себе через «настройку» механизма перформанса, а следовательно, социальной «защиты» и «нападения». Фрейдовское «Сверх-Я» [5] в интернете значительно редуцируется, поскольку явность социальной детерминации, как минимум, латентизируется, как максимум, – исчезает. Исчезает «осуждающий взгляд», существенно снижается риск наказания (чем, в том числе, объясняется «размывание» границ законного и незаконного на примере интеллектуального пиратства, «обходами» юридических запретов и т.д.); «обобщённый другой» (в нашей терминологии – социальный Третий, безличный и безадресный, абсолютный и вездесущий) Дж. Г. Мида [4] в интернет-коммуникации ослабляется при усилении «непосредственного другого» (конкретного и адресного, хронотопизированного и непосредственного). Примером этого может быть коммуникативное действие акторов при комментировании и ответе на комментарий – действия публичное, но не всегда сопровождаемое всеми правилами приличия в интернете [10]. Здесь полностью подтверждается гофмановская максима: «Дело не в интеракции, а во фрейме» [8, с. 33].

В анализе такого социального гофмановский категориальный аппарат реактуализируется. В особенности здесь хороша гофмановская микрофизика взаимодействия и драматургический анализ. Так, фронт как место, где происходит некое действие, как «совокупность абстрактных стереотипных ожиданий, предуготовливающих аудиторию к определенному исполнению», видимая часть исполнения, добавляющая к нему драматическое осознание (dramatic realization)» [8; с. 33], становится принципиальным именно при редуцировании Третьего, ибо построение схем коммуникации и взаимодействия при ослабленном или редуцированном Третьем может быть осуществлено лишь «на фоне» фронта как совокупности ожидания. Фронт здесь своеобразно компенсирует исчезающего Третьего: вышеуказанное драматическое осознание «помогает участникам спектакля выполнить все, что они намереваются выполнить в ходе взаимодействия. ... Исполнения не только осознаются в драматическом ключе, но также и «идеализируются», то есть оформляются и представляются как наилучшим образом соответствующие нормам и ценностям культуры» [8, с. 33-34]. При этом диапазон функциональности фронта и Третьего несопоставимы: подобные негативные действия в сети очень часто остаются без санкций (позитивных или негативных), чему способствует дискредитация социальной подлинности сокоммуниканта.

Другим важным концептом Гофмана является *команда* как фон для действия: так, успешные перформансы обычно осуществляются не отдельными акторами, а командами⁶, которые направляются «руководителями»⁷, действующими во «фронтальных регионах» (front regions) — пространстве, которое позволяет видеть их со стороны публики. В этом положении «руководители» команд должны быть «учтивы» (то есть полностью соответствовать социальному) и хорошо «понимать» (обладать релевантным знанием) все декоративное «оснащение» сцены. Команды отыгрывают, отдыхают и отходят в «тыловые регионы» (back regions), или закулисы – пространство, где все, что представлялось во «фронтальных регионах», имеет совершенно противоположное значение. Фронтальный и тыловой регионы связаны «охраняемыми проходами». Успех фронтальных исполнений часто предполагает соглашение между командой и аудиторией о том, чтобы рассматривать передний план сцены как единственную реальность. Эта оптика совершенно иначе дифференцирует интимное, публичное, частное, одинокое и др. (см. [11]),

⁵ В том смысле, что рассматривание данной страницы не приводит к обидам не только потому, что разглядываемый не может видеть наблюдателя, но и в силу функциональной предназначенности этой страницы для демонстративного перформанса.

⁶ Б. Латур в эти команды добавил бы актантов, то есть, в конечном счёте, вещи.

⁷ Интересно, что П. Бурдьё противопоставил бы этому принципу принцип «оркестрации без дирижёра», и это отдельный важный вопрос.

превращая пространство интимного взаимодействия в «цеха» для «производства» социального на публичность, а опубликование интимного – в акт разрушения социального (нарушения социальных конвенций, деприоритетизации взаимно важного знания и т.д.).

Более того, именно благодаря интернет-коммуникации (как менее латентизированной по сравнению с традиционным способом коммуницирования) метафоры Гофмана становятся очевидными. Так, он описывает, как дифференцированное по регионам командное исполнение игры наделяет исполнителя прерогативой владения тайнами, и когда нужно узнать, что происходит в закулисе, люди с «противоречивыми ролями» пытаются получить доступ к тайне путем маскировки под членов команды. При этом Гофман строит целую дифференциацию тайн (что П. Бурдьё мог бы концептуализировать через «социальное очевидное», «аксиомы здравого смысла» и т.д. [12]): «сокровенные тайны» (несопоставимые с образом команды); «стратегические тайны» (характеризующие цели деятельности); «внутренние тайны» (позволяющие распознавать члена команды); «доверительные сведения» (знание которых свидетельствует о доверии); «мнимые секреты» (которые можно разглашать без ущерба для перформанса). Знание и конституитивность социального в данном случае Гофманом метафорически синонимизируются: знать означает участвовать, а структурность роли зависит от объёма и структуры знания: можно стать «ближним к команде человеком», «медиатором», «конфидентом», «коллегой» [8, с. 35-36].

Гофмановские «команды» специфично апеллируют к мидовскому «*обобщенному другому*»: интерпретируя команды как фон для действия, мы оставляем пространство для существования в этом фоне некоторых рамок и стереотипов мышления, что является формами «обобщенного другого» (иначе говоря, микроуровневыми Третьими). Сама команда, а точнее, действие и настроения, происходящие внутри ее взаимодействий, становится им, замещает и альтернативизирует его.

Общедоступность интернета и социальных сетей создаёт иллюзию, характерную для постмодернизированного сознания – иллюзию транспарентности и фукоистски-паноптикумной прозрачности. Однако мы можем гофмановски уточнить, что существуют режимы открытости, а именно степени и способы открытости ситуации и коммуницирования для других. Некамуфлированность (в силу хронологической «молодости») интернет-социального позволяет нам антропологически (применяя тот же приём, что и антропологи, обращавшиеся к изучению «примитивных» обществ с «некамуфлированными» структурами) увидеть, как повседневные акторы постоянно варьируют эти степени и режимы открытости – для друзей, знакомцев, с (вос)производством конвенций и структур вступления в коммуникацию. Гофман метафоризирует это юридическим понятием «*ратификация*», которая регламентирует прежде всего начало коммуникации (в том числе между незнакомыми людьми). Этнографически выражаясь, речь идёт о ритуалах знакомства. Ратификация предполагает как уверенность в существовании другого, так и знание о его релевантности нашим фреймам и нашей коммуникации – всё это, безусловно, на основании его самоманифестаций, коммуникативных приёмов (предшествующих ратификации) и внекоммуникативных аспектов (самопрезентация, социальные артефакты: фото-видео-увлечения-«лайки»-репосты).

Своеобразной «обратной стороной» доступности становится *гражданское невмешательство* как признание суверенитета личности в ее частной жизни. Собственно говоря, само различие частного и публичного является производным от доступности. Впрочем, будучи способом продуцирования уважения, оказанного другим в вебериянском ожидании такого же уважения от них, гражданское невмешательство при этом является также метасообщением, которое актор шлёт гипотетически компетентному к расшифровке этого метасообщения ко-актору. Так, вовлеченность в коммуникацию предполагает успешную функциональность ритуала знакомства, открывшего возможность развертывания коммуникации. Но если отсутствие знакомства людей приводит к ситуации долженствования производства «демонстративного незнания» (когда ко-акторы делают вид, что не знают друг друга, по крайней мере, не обращают друг на друга внимания).

В условиях интернет-социального *гражданское невмешательство* также размывается и подвергается эрозии. Это связано как с узостью средств метакоммуникативных средств (средств метасообщений), так и с неразвитостью арсенала умолчаний и демонстративных бездействий: дело в том, что гражданское невмешательство есть нечто более сложное, чем взаимное безразличие; это взаимная вовлеченность при сохранении внешней индифферентности и дистанции, демонстрирующей уважительное невмешательство в чужое пространство и признание анонимности другого. В этом смысле гражданское невмешательство — это способ коммуникации с массой незнакомых, что в интернет-пространстве безусловно проще как в силу отсутствия «барьера знакомства», так и в силу технической доступности «арсенала громкости» (это замечание актуально в мире реальном, представленном в виде

медиа, авторитета, систем доступа к публичной артикуляции; в мире виртуальном же все эти «единицы арсенала» существенно ослаблены или модифицированы).

В этих условиях актуализируется сама перспектива восприятия, создающая формальные определения ситуации – то, что Гофман обозначал широким словом «фрейм». Системы фреймов не заданы в качестве алгоритмов восприятия, а всегда находятся в процессе своего формирования. Попадание в любую систему социальной коммуникации предполагает достаточную компетентность у актора, как минимум, для того, чтобы обнаружить шаблон – иначе коммуникация принципиально невозможна. Технически это опосредуется шаблонами регистрации, личной информации, заполнения сообщений, выражения эмоций (с помощью смайлов) и т.п., социально же мы наблюдаем колоссальное разнообразие шаблонов, (не) допускающих актора в акт, детерминирующих дальнейшее функционирование акта и характеризующих знаниевую компетентность актора в когерентности к акту. Подобное фреймирование редуцирует деятельность актора. Собственно, разнообразие компетентностей актора как раз и характеризуется объёмом и дифференцированностью знания актором шаблонов, когерентных разным ситуациям действия и разным ко-акторам.

Осуществлённый нами предварительный теоретический анализ мы дополнили этюдным эмпирическим анализом на основе этнографических техник наблюдения. В частности, были подтверждены гипотезы, выдвинутые нами по итогам количественного исследования повседневных практик подростков Харькова и области (проведенного кафедрой социологии ХНУ имени В.Н. Каразина в 2013 году – см. описание исследования выше), а именно:

- использование подростками Харькова и области интернета имеет определённый вектор – общение (в социальных сетях), а также «прагматичная учебная практика». В этом смысле интернет-социализация подростков выглядит, с нашей точки зрения, тревожно (особенно учитывая всю универсальность и всепроникающую способность интернета);

- выстраивание подростками «другого», виртуального, мира, эскапизм их поведения относительно реального общения;

- инструментализация их поведения в отношении практик реального образования и обучения – содержательные интернет-практики учёбы (поиск дальнейших вариантов учёбы, поиск научной информации, чтение новостей – пребывание «в курсе» событий жизни и общества) занимают последние позиции;

- «энтертейнментизация» подростковых интернет-практик, которые сейчас являются скорее практиками развлечения, отдыха, упрощения себе жизни, бегства из реальности.

Для включенного наблюдения мы выбрали самую используемую в Украине социальную сеть – «ВКонтакте» (<http://vk.com>). В результате нами были обнаружены ряд тенденций.

Показательная интимность: для описания этой идеи мы решили использовать такой существующий внутри «ВКонтакте» кейс, как «публичная страница». Здесь мы могли бы обратиться к такому феномену, как «сервисы вопросов и ответов» (где манифестируется эксгибиционистская открытость пользователя, формально готового отвечать на любой вопрос), однако не менее показательным кейсом являются довольно популярные паблики «Подслушано», а также некоторые его «филиалы» – «Подслушано Харьков» и «Подслушано ХНУ им. В.Н. Каразина»⁸. Они популярны в своей сфере⁹, эксплуатируют демонстративную открытость принципиально интимного и принципиально «дефицитного», при этом мультиплицируют «доступ» в определённые социальные сети (создавая иллюзию включённости в гофмановские «команды» через иллюзию доступа к «закулисью»).

Данная группа пабликов прибегает к полной или частичной (при желании автор может указать, что его пост может быть опубликован со ссылкой на его страницу) анонимности. В любом случае, администраторы публичной страницы знают личность человека, «предлагающего новость». Последний, в силу заявленной политики паблика, уверен, что его личность разглашена не будет, хотя присутствие в этой системе других людей остается «за кулисами» определения им понятия конфиденциальности.

⁸ Соответственно, <https://vk.com/overhear>; https://vk.com/one_kharkov; https://vk.com/overhear_karazin

⁹ Первый имеет больше 2,5 миллионов подписчиков, что в пространстве самой сети является довольно значительным показателем (например, паблик «ТСН Новини України» (<https://vk.com/tsnua>) не дотягивает даже до 1,2 млн, хотя отношение к нему должно было бы быть серьезнее, а интерес – выше). Кроме того, этот паблик уже имеет собственную Интернет-платформу (<http://ideer.ru/>). Второй имеет около 33 тысяч подписчиков. Третий, учитывая количество студентов, аспирантов и преподавателей ХНУ, а также иностранных студентов, которые не являются особо активными пользователями «ВКонтакте» (гораздо чаще мы можем наблюдать их в «Facebook») – почти 5000.

Кроме публикаций, описывающих веселые ситуации из жизни, социально легитимными в рамках данных пространств социального являются достаточно личные факты, а также просьбы о помощи или совете. Пускать за одно мгновение два миллиона человек в свою личную жизнь, спрашивать у них, как поступить в той или иной ситуации, является довольно показательным примером того, как функция социального Третьего делегируется конкретным Вторым. Помимо психопатологических моментов (неспособность создавать пространство близости, дискомфорт при сближении с другими и предпочтение дистантивным практикам), мы наблюдаем здесь и феномен, антонимичный к гофмановскому умению разграничивать эпизоды и планы – неумение (или нежелание научиться) дифференциации, пусть оно и социально латентизировано. Эта же иллюстрация описывает наш тезис о своеобразной *системе отношений*. Оказывается, что немалое количество людей предпочитает субстантивизировать Третьего в виде аудитории социальной сети в интернете вместо его субстантивизации в виде конкретного близкого (здесь также можно говорить о психологических барьерах, но это не предмет нашей работы). Это, с нашей точки зрения, также является индикатором процесса инфантилизации (см., например, [13]) как отказа от «взрослых» техник демаркации социального пространства и восприятия ткани социального.

Говоря о «Я-идеальном» и «профилях-масках», мы можем выделить такую весомую иллюстрацию, как фото на аватар. Простым действием пользователь может рассказать нам о себе многое. Например, используя для своего аватара чужое фото (например, известных людей) или просто изображение, человек может как демонстрировать определенные предпочтения, так и осуществлять процедуры защиты своей интимности, в частности, в силу социальных или психологических причин. Социологически значимой здесь является как защита интимности-частности (однако многообразие причин этой защиты не позволяют нам уделить ей достаточно места в рамках данного исследования), так и проявление идентичности посредством аватара. Так, в связи с резкой политизацией общественного и культурного пространств стали модными «аватары украинца»¹⁰. Эти аватары, обезличивающие, но при этом радикально (само)категоризирующие и (само)характеризующие актора, апеллируют как к знанием структурам производящего их (как на уровне «знания-долженствования», так и на уровне «знания-наличествования»), так и к знанием структурам адресата коммуникации.

Не менее характеризующими являются практики трансфера на личный профиль информации об известных людях или персонажах, а также создание так называемых «фейков», в которых очевидным образом выражен элемент копирования.¹¹ Эти практики могут объясняться как проблематизацией личной идентичности (а следовательно – субъектного знания) данного актора, так и специфичными техниками построения интимности¹². Этот вопрос также ждёт своего дальнейшего исследования с крайне проблематичной методологией.

Поляризацию и безнаказанность действия мы решили объяснить одной общей схемой. Сеть и ее пользователи (а также её фреймы) предполагает специфичного социального Третьего¹³. В микроуровневых паблицах (как приведенный выше «Подслушано ХНУ») наблюдаются более простые, «гемайншафтные» отношения. Возникновение дискуссии ослабляют функционирование социального Третьего и делают более весомым «непосредственного» – оппонента, то есть Второго. Часто подобные «дискуссии» приводят к показательным скандалам, переходу на личности, оскорблениям¹⁴. Техническая регуляция подобных ситуаций явно недостаточна, а социальная регуляция их на данный момент практически беспомощна и принципиально ослаблена именно вследствие слабости в интернет-социальном вышеуказанного Третьего. Это приводит к поляризации коммуникации и запредельно высокой (особенно сравнительно с традиционными способами конституирования социального) доле безнаказанности действия.

¹⁰ Для создания этого аватара уже также имеется специальный сервис с названием «Єдині» - <http://eduni.com.ua/>.

¹¹ В качестве подтверждения, при вводе в поисковой системе «ВКонтакте» «Хью Джекман» и «Гермиона Грейнджер» мы получили 174 и 1060 результатов поиска, соответственно.

¹² Например, построением системы защиты своей приватности, построением «подпольной» сети коммуникации с уходом из-под контроля окружения, родителей, политики и т.д.

¹³ Безусловно, в сетях тоже имеются свои законы и правила, в частности, пункт 6.3 Правил пользования Сайтом Вконтакте и его подпункты запрещают многое, что в сети происходит: «...загружать, хранить, публиковать, распространять и предоставлять доступ или иным образом использовать любую информацию, которая содержит угрозы, дискредитирует, оскорбляет, порочит честь и достоинство или деловую репутацию или нарушает неприкосновенность частной жизни других Пользователей или третьих лиц» (<https://vk.com/terms>)

¹⁴ Особенно в паблицах, тесно связанных с современными политическими изменениями и дискуссиями.

Действие *гражданского невмешательства* (обозначим людей, его проводящих, как *N*) проиллюстрировать в интернет-реалиях достаточно непросто, однако возможно. Прежде всего это возможно вследствие технических средств¹⁵. Другое дело, что такая техническая оценка не позволяет произвести социальную оценку (в частности, оценку мотивов, способов и инструментов «гражданского невмешательства»). Именно поэтому социологическое изучение «гражданского невмешательства» традиционными средствами (анализ метасообщений, например) практически не реализуемо в данном случае.

Говоря о *фреймах в социальных сетях*, можно начать с их существования и механизма действия, иначе говоря, технических (материальных, физических, средовых) параметров существования интернет-социального.

Фрейм первый: пространство. Сразу же стоит заметить, что с момента основания социальных сетей данный фрейм основательно ослаб, так как вместе с техническим прогрессом инструменты для выхода в сеть прогрессировали и модифицировались. Изначально в пространство сети возможно было попасть только со стационарных ПК; далее, с появлением ноутбуков, стало возможным передвигаться на расстояние, которое позволяет шнур, а с появлением роутеров – по периметру жилой площади и Wi-Fi-зон. С планшетами и смартфонами мобильность такого действия повышается, следовательно, активность возрастает. Отдельно развивается сеть мобильного интернета. С его появлением доступ в социальную сеть стал возможен практически везде, где существует покрытие мобильного оператора. Но неизменным остается необходимость доступа в сеть и устройство. Это условие фрейма настолько слабо, что социальное взаимодействие в интернет перестаёт подразумевать какое-либо априорное знание о со-акторе (адресате), а следовательно, практически полную универсализацию данного фрейма.

Фрейм второй: регистрация. При регистрации пользователь вводит определённые параметры и получает ограниченный шаблон для ввода саморепрезентирующей информации. В нем есть как поля для самостоятельного заполнения, так и с уже имеющимися вариантами ответов.

Фрейм третий: оформление и форма. «ВКонтакте»¹⁶ практически не дает возможности менять оформление. Изменить форму аккаунта, кроме добавления/исключения в основное меню нужных/ненужных пользователю дополнительных сервисов, также нет возможности.

В социальном же плане в интернет-социальном в дальнейших исследованиях обнаружится бесконечное количество фреймов: они присутствуют в каждом действии в сети. Мы указали только самые первые – чисто технические – фреймы, с которыми пользователь сталкивается в основном при начале работы и которые даже не предполагают социальности Другого, но предполагают своеобразный «социальный ценз» для участников интернет-коммуникации. Именно изучение социальных фреймов интернет-социального является одним из самых перспективных направлений дальнейшей разработки данной темы.

Таким образом, ключевыми гипотезами нашей мини-теории знаниевой конституции интернет-социального становятся следующие:

1. *Опыт и знание.* Сети помогают формулировать и верифицировать опыт, часто гораздо быстрее и проще, чем в реальной жизни. Темп приобретения опыта возрастает, вместе с ним возрастает скорость социализации индивида. Опыт, получаемый в сети, гораздо менее интимен в силу процесса, которым он приобретается. Опыт интимности практически отсутствует, что влечет за собой снижение способности оценивать, конструировать и «сохранять» конфиденциальность, а также неумение дифференцировать публичное, интимное, личное, коллективное, частное и т.п.

2. *«Я-идеальное», или «профиль-маска».* Мы подразумеваем в данном случае технику, воплощаемую в жизнь виртуальным профилем, который может стать «маской» для индивида, механизмом достижения определенных целей, а также возможностью успешного самовмонтирования в пространство социального;

3. *Система отношений.* В социальных сетях существует своя система отношений, способ функционирования знания, социальная дифференциация, которые очень часто стирают многие границы, маркированные традиционными социальностями;

4. *«Обобщенный» против «непосредственного», или «поляризация».* Влияние «обобщенного другого» (социального Третьего) в социальной сети ослабляется вместе с возрастанием значимости

¹⁵ Каждый пользователь имеет доступ к статистике собственной страницы, на которой в виде графиков представлены посещения. Любой пользователь может для себя сравнить количество людей, которые «отметились» на его странице (некие *X*), с «количеством просмотров», указанном в статистике (некие *Y*). Получаем простейшую формулу: $Y - X = N$. Таким образом, мы можем представить себе количество человек, решивших «не вмешиваться».

¹⁶ В отличие, например, от «Твиттера» или Живого Журнала.

«непосредственного другого» (социального Второго) - более конкретного образа, возникающего при прямом столкновении, что вынуждает к часто непредсказуемым и не допускаемым в реальной жизни действиям;

5. *Безнаказанность действия.* Ощущение безнаказанности переносится в реальную жизнь, индивид может даже не обратить внимания на то, как нарушит какую-то важную моральную или правовую границу, что проявляется, например, в физическом убийстве за «кражу» виртуального игрового артефакта¹⁷ или в замеченной многими психологами тенденции вторжения «виртуальной» жестокости или «виртуальных» игровых шаблонов взаимодействия в традиционные социальные пространства.

6. *Гражданское невмешательство* меняет свой способ функционирования в интернет-социальном. Как мы описывали выше, это невмешательство из демонстративного акта самоустранения превращается в метасообщение.

7. *«Фреймирование»* становится не только социальным, но и техническим параметром социального. При этом шаблонность онлайн-социального редуцирует субъектность, что, как можно предположить, увеличивает вероятность столкновения с проблемой в социальном развитии не только определенного индивида, но и целых поколений, растущих «в сети».

Литература:

1. Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; [пер. с фр. О.В. Ковенево; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов]. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.
2. Виктор Вахштайн Предисловие к переводу Дворы Яноу и Мерлина ван Хульста // Социологическое обозрение. — Т. 10. — 2011. — №1-2. — С. 83-86
3. Луман Н. Л. Общество как социальная система / Никлас Луман [пер. с нем. А. Антоновский]. — М.: Издательство «Логос». 2004. — 232 с.
4. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. — 290 с;
5. Фрейд З. Недовольство культурой / Зигмунд Фрейд. — М.: Фолио, 2013.
6. Dewey J. Experience and Nature / John Dewey. — Chicago, Open Court, 1925.
7. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Роджерс К. — М.: «Прогресс», 1994.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: [пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина]. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.;
9. Голиков А. С. Укоренённость социального в знании: пределы прозрачности и угрозы опосредования / Александр Голиков // Вісник Одеського національного університету. Серія: Соціологія і політичні науки. Науковий журнал. — Том 18. — Випуск 3 (19). — 2013. — 186 с., с. 46-52.
10. Голиков А.С. «Социальное как продукт знания: о «втором» или о «третьем»? / Голиков А. С. // Социология и общество. Второй конгресс САУ : тезисы докладов. — Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина. — 2013. — С. 9-10;
11. Голиков А. С. Ландшафт социального сквозь оптику объективированного знания: от интимного до публичного / Голиков Александр Сергеевич // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. — Випуск 21. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. — 2015. — 292 с., с. 55-64.
12. Бурдьё Пьер Практический смысл / Бурдьё Пьер [пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко]. — СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. — 562 с.
13. Голиков А.С. Проблематизация социального в современном мире: постлатурианские возможности решения / Александр Голиков // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13-15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю. . Асочаков. Спб.: Скифия-принт, 2015. — 2237 с., с. 95-98; Голиков А. С. Тотальность и насилие: (де)конституирование «взрослого» в социальности модерна / Голиков А. С. // Держава та глобальні соціальні зміни: історична соціологія панування та спротиву в епоху модерну : матеріали міжнародної наук.-практ. конф. (м. Київ, 26-27 листопада 2015 р.) / Укладачі А.А. Мельниченко, П.В. Кутуєв, А.О. Мігалуш. — К. : Талком. — 2015. — 652 с., с. 55-56.

¹⁷ Здесь показателен случай, когда один из геймеров без договора со вторым продал совместно «используемый» в онлайн-игре «меч» за 900 евро, что невероятно обидело второго геймера и привело в итоге к убийству (см. детальнее <http://www.rabotafree.com/blogging/25-seo/566-ubijstvo-iz-za-onlajn-igry.html>).